

ЙОЗЕФ ШВЕЙК С УЛИЦЫ БОИШТЕ

Стаття ґрунтується на архівних матеріалах, які презентують біографію празького городянина Йозефа Швейка (1890-1965), що став прототипом героя гашеківського роману "Бравий вояк Швейк". Вона відображає історію перебування Швейка в Празі і Росії, полон в часи Першої світової війни та подальший добровільний вступ до чехословацького легіону. Увесь цей час він служив у тому ж полку. Розглядається питання генези та творчої історії гашеківського роману.

Ключові слова: Швейк, прототип, творчий імпульс, творча історія.

Любопытно было бы провести эксперимент — проверить, как реагировали бы читатели Гашека, если им сообщить, что Йозеф Швейк не только совершил памятный будейовицкий анабазис, но и обошел чуть ли не полмира, проделал путь через всю Россию от западных ее окраин до восточных (а на некоторое время оказался и в центре Средней Азии в Ташкенте), пересек на корабле моря и океаны и вернулся в Прагу (откуда был когда-то отправлен со своим полком на восток) с западной стороны. Можно было бы также добавить, что в России Швейк принял православие и получил второе имя Александр, что потом он дожил до эпохи спутников и полета человека в космос и т.д. Несомненно, большинство читателей сочли бы это розыгрышем и вымыслом вроде вымысла Карела Ванека, который попытался дописать незавершенный роман «Похождения бравого солдата Швейка». А между тем сказанное и многое другое — суцья правда, хотя происходило все это не непосредственно с героем Гашека, а с его реальным прототипом Йозефом Швейком. Но могло, вероятно, происходить и с самим героем романа, если бы Гашеку суждено было дописать свое сочинение до конца.

Существование Швейка-прототипа, одноименного с героем романа, открыто сравнительно недавно [2], и об этом пока что мало кто знает. Однако еще в 20-30-е гг. на родине писателя было известно, что многие персонажи его комической эпопеи носят имена действительно существовавших лиц. И хотя Гашек отнюдь не склонен был связывать себя живописанием с натуры и давал полную волю своему неистощимому воображению и темпераменту комика, образы его героев нередко ведут свою историю от конкретных живых людей (особый интерес он питал к необыкновенным человеческим экземплярам и диковинным натурам).

Существовал, например, реальный поручик Лукаш — Гашек служил в его роте во время Первой мировой войны. Существовали капитан Сагнер и старший писарь Ванек, сохранивший даже тексты фронтовых стихотворений Гашека. Когда в 1983 г. в Москве проходила юбилейная конференция, посвященная столетию со дня рождения Гашека, гости из Чехии передали участникам встречи привет от сына Ванека. Унаследовав гражданскую профессию отца, он служил в то время в лавке москательных и аптекарских товаров в Кралупах под Прагой. В литературе о Гашеке есть упоминание, что существовал даже будто бы слабоумный пастух Пепка-Прыгни, которого в романе путимский вахмистр вербует в осведомители и велит ему доносить,

если кто-нибудь скажет, что государь император скотина, после чего убогий пастух стал повторять всем эти слова со ссылкой на авторитет вахмистра.

Некоторые однополчане Гашека, имена которых мы встречаем на страницах его романа, были живы еще и после Второй мировой войны. В конце 50-х гг. еще здравствовал солдат необычайно буйного нрава Йозеф Водичка, достаточно правдоподобный прототип драчливого сапера Водички. Гашек познакомился с ним в России — в Тощких лагерях для военнопленных. В 50-х гг. журналистам удалось побеседовать и с бывшим кадетом Биглером. Он проживал в это время в Дрездене и сообщил, что только недавно познакомился с романом Гашека и что он ему понравился. Он самоотверженно признал также, что его собственная армейская служба правдиво обрисована Гашеком.

О происхождении образа Швейка долгое время ходили весьма туманные и противоречивые слухи. Наиболее достоверными казались сведения, что какие-то черты своего главного героя Гашек подсмотрел у своего однополчанина, денщика поручика Лукаша — Франтишека Страшлипки (вместе со Страшлипкой Гашек и перешел на фронте на сторону русских в сентябре 1915 г.).

Однако в 1968 г., спустя почти полвека после кончины Гашека, в пражском журнале «Кветы» появилась статья за подписью Ярослава Веселого, в которой утверждалось, что на протяжении целых двенадцати лет у Гашека был приятель, пражский ремесленник Йозеф Швейк, якобы и послуживший прототипом его героя [7, s. 22-28]. Познакомились они будто бы в 1911 г., и Гашек использовал тогда его имя в своих рассказах, откуда оно перекочевало позднее и в роман. Во время Первой мировой войны Швейк, как и Гашек, якобы оказался в России, и пути их пересекались там.

Сообщение было настолько неожиданным, а вокруг Гашека всегда возникало столько мистификаций, начало которым положил он сам, что статью встретили не без скепсиса. Правда, два специалиста по Гашеку А. Кнесл и Р. Пытлик упомянули в печати о версии Веселого, допустив, что, возможно, в ней есть какая-то доля истины, а Аугустин Кнесл подтвердил и отдельные его сведения (дату рождения и пражский адрес Швейка) — видимо, по записям в метрических книгах. Однако дальше этого не пошло. Автору настоящей статьи показалось заманчивым проверить информацию. Веселого — по крайней мере в части, касающейся пребывания Швейка в России. Вспоминалось, что еще лет тридцать-сорок тому назад ныне покойный московский историк-богемист А.Х.Клеванский, автор книги о чехословацком добровольческом корпусе в России, рассказывал, что в архиве Октябрьской революции в Москве (сейчас — Государственный архив Российской Федерации) хранится карточка на некоего военнопленного периода Первой мировой войны Йозефа Швейка, содержащая данные о нем. Это же позднее подтвердил и ныне здравствующий московский журналист Ж.У.Кацер, также державший в руках эту карточку из фонда, известного под названием «пленбеж» и состоящего из материалов о пленных и беженцах. Однако обращение в архив в конце 1980-х гг. и затем в 1990-е гг. не дало результатов: карточки на месте не оказалось, и судьба ее неизвестна. Не увенчались успехом и попытки связаться во время поездок в Прагу с

Ярославом Веселым. Никто ничего не мог сообщить о нем. После статьи о Швейке он вообще никак не дал больше знать о себе в печати. Закрадывалось даже сомнение, не псевдоним ли это [срв. 3]. Вместе с тем Веселый оставил немало возможностей для проверки его утверждений. Наряду с элементами беллетризации и явных художественных вольностей и додумываний, которых не лишена его статья, она содержала конкретные факты и даты. Сообщалось, например, что в Чехословакии Швейк дважды получал награды за участие в битве у Зборова в 1917 г. (тогда чехословацкие добровольческие части сражались против австрийских войск). Второе награждение состоялось в 1947 г., т.е. явно было приурочено к тридцатой годовщине Зборовской битвы. Естественно, где-то должен был существовать указ о награждении с перечнем награжденных лиц. В феврале 1987 г. во время краткой поездки в Чехию пишущему эти строки удалось выкроить время, побывать в пражском Военном историческом архиве и ознакомиться с «Кадровым вестником Министерства национальной обороны». В номере от 19 июля 1947 г.: за подписью министра национальной обороны Людвика Свободы в нем был опубликован указ о награждении участников битвы у Зборова «Памятной зборовской медалью». В алфавитном списке черным по белому была напечатана и фамилия Йозефа Швейка с указанием воинского звания: «ефрей[тор] зап[аса] Йозеф Швейк» [5, s. 455]. Этим документом сразу подтверждалась целая сумма фактов: существование в австрийской армии чешского солдата, одноименного с героем Гашека, его служба в годы Первой мировой войны на Восточном фронте, его пребывание в русском плену, а затем в чехословацких добровольческих легионах (последние формировались почти исключительно из военнопленных), его участие в битве у Зборова (в которой, между прочим, участвовал и Ярослав Гашек, награжденный за эти бои еще в России в октябре 1917 г. серебряной Георгиевской медалью «За храбрость»). Далее оказалось, что архив располагает прекрасной картотекой легионеров, состоящей из их личных дел. Среди них отыскалось и дело Швейка — папка с целым набором документов: регистрационная карта-анкета, послужные списки, документы о перемещениях, зачислениях, откомандированиях, медицинских освидетельствованиях. По случайному стечению обстоятельств никто из известных исследователей творчества Гашека к этой папке еще не обращался. Очевидно, все искали в этом, да и других архивах материалы о самом Гашеке, но не о Швейке, так как о существовании реального Йозефа Швейка длительное время никто не подозревал (Веселый или человек, подписавшийся этим именем, как выяснилось, также не был знаком с архивом и опирался всецело на собственные беседы со Швейком).

Особый интерес, конечно, представляла анкета, собственноручно подписанная Швейком. Снова и снова хотелось вчитываться в строки этого документа, вобравшего в себя судьбу человека, который дал имя всемирно известному литературному герою — имя, миллионы раз повторенное на разных языках мира на обложках изданий романа Гашека.

Текст анкеты гласил
(оригинал на чешском языке):

Фамилия	Личный номер 20899
Имя	Швейк
православное*	Йозеф
отчество**	Александр
День, месяц и год рождения	Йозеф
Место приписки	22 ноября 1892. Дуби, Кладно
Полит, администр. район	Жижелице н[ад] Ц[идлиной]
Место последнего пребывания на родине (родители, родственники)	Новый Быджов
Номер полка в австрийской армии	Прага 11, Боиште 463. Катержина Швейкова
Звание там же	36 п. п. (пехотный полк. — С. Н.)
Профессия	ефрейтор
Образование	пекарь
Политическая принадлежность на родине (Сокол)	мещ[анская] школа
Женат или холост	(прочеркнуто. — С. Н.)
Когда и где взят в плен	(перечеркнуто косой линией слово
Место последнего пребывания в плену	"холост". — С. Н.)
Когда зачислен в чешское войско	14.5.15. Сенява
Номер полка 3 и роты 5 чешского войска и звание в нем***	Ташкент
Личная подпись	25.6.1916.
	рядовой
	Йозеф Швейк [8. VHA. Josef Švejck]

Архивные документы вместе со сведениями Веселого, которые в подавляющей своей части подтвердились, позволили составить общую картину жизни Швейка (1890-1965). Он оказался пражским ремесленником, ловким мастером на все руки, испробовавшим и профессию пекаря, и сапожное ремесло, и другие специальности и занятия. Гашек познакомился с ним в 1911 г., после чего им был написан цикл из пяти рассказов о бравом солдате Швейке, где впервые появляется это имя. Во время Первой мировой войны Швейк был мобилизован и в составе 36-го пехотного полка попал на Восточный фронт. Чешские воинские части неохотно сражались за интересы Австро-Венгерской империи. О настроениях в 36-м полку красноречиво свидетельствует официальное донесение командования об итогах боев 26-27 мая 1915 г. под Сенявой. За два дня полк потерял тогда 10 человек убитыми, 69 ранеными и 1495 пропавшими без вести! [6, с. 29-30]. (Естественно, воинскую часть пришлось объявить расформированной.) Однако Швейка среди пропавших не было. Он перебежал к русским еще за 12 дней до этого.

* В России Швейк принял православие. — С. Н.

** Это русское слово воспроизведено латинскими буквами. — С. Н.

*** В оригинале цифры 3 и 5 слабо перечеркнуты карандашом и карандашом же по-чешски написано (с сокращением слов): Шт[аб] в[ойска] нестр[оевая рота]. (С некоторых пор Швейк числился в транспортной роте при штабе войска. — С. Н.)

Целых четыре года Швейк находился в России, сначала около десяти месяцев в лагерях для военнопленных — в Дарнице под Киевом и в Ташкенте, затем в чехословацких добровольческих частях, где служил пехотинцем-стрелком, позднее — в тайной разведке, хотя числился в транспортной роте при штабе войска. В составе добровольческого корпуса он проделал путь от Киева — через Самару, Челябинск, Тюмень, Иркутск — до Владивостока, откуда в 1919 г. морским транспортом (№ 8, пароход «Эфрон») был эвакуирован на родину. Морской маршрут пролегал вдоль восточного и южного побережья Азии, через Индийский океан, Красное море, Суэцкий канал, Средиземное и Адриатическое моря и завершался в Каторской бухте. Где только не побывал Швейк.

В архивном деле Швейка не удалось обнаружить сведений о Гашеке и о его встречах с ним, но косвенные данные неопровержимо подтверждали их общение и в Чехии? и в России. Чрезвычайно важным оказался, в частности, документально зафиксированный пражский адрес Швейка. Перед войной он жил на улице Боиште в доме 463. Дом этот, как выяснилось, вплотную примыкает к трактиру «У чаши», в котором и начинается действие романа после убийства эрцгерцога Фердинанда. Жилище Швейка-прототипа отделяли от трактира каких-нибудь тридцать-сорок шагов. Больше того, оказалось, что и в романе, хотя и глухо, называются те же места проживания Швейка, что и в архивных документах. Когда поручик в комендатуре на железнодорожной станции Табор называет Швейка дегенератом и спрашивает, знает ли он, что такое дегенерат, Швейк отвечает: «У нас на углу Боиште и Катержинской улицы, осмелюсь доложить, тоже жил один дегенерат. Отец его был польский граф, а мать — повивальная бабка. Днем он подметал улицы, а в кабаке не позволял себя звать иначе, как граф» [1, с. 24] (курсив мой. — С. Н.). В романе даже сказано, что и с Водичкой до войны Швейк общался на улице Боиште. По поводу их нечаянной встречи в армии говорится: «Несколько лет тому назад Водичка жил в Праге на *Боиште*, и по случаю такой встречи не оставалось ничего иного, как; зайти обоим в трактир» [1, с. 144] (курсив мой. — С. Н.). Недаром, видно, Швейк и Водичка и свидание «в шесть часов вечера после войны» назначают в трактире «У чаши».

Такое совпадение реалий в романе Гашека и в архивном деле Швейка не оставляло ни малейших сомнений в их тесном знакомстве.

Не менее важные факты и обстоятельства раскрылись и при сопоставлении архивных данных о пребывании Швейка в России с документально известными сведениями о российском периоде в жизни Гашека. Удалось установить, что судьба очень близко свела их и в чехословацких добровольческих частях. Даже зачислены они были в эти части (в Киеве) с разницей всего в пять дней — Швейк 24-го, Гашек 29-го июня 1916 г., причем попали они в один полк, а поначалу даже и в одну роту. Более полугода они были однополчанами. И это имеет прямое отношение к творческой истории образа Швейка. Именно новые встречи со Швейком и навели Гашека на мысль снова вернуться к разработке этого типажа. Так возникла повесть «Бравый солдат Швейк в плену», написанная в начале 1917 г. и вскоре затем изданная (практически в незавершенном виде) в Киеве. Повесть в свою очередь послужила эскизом созданного позднее (в 1921-22

гг.) романа. В ней уже была намечена общая канва повествования, многие мотивы и звенья сюжета, повторенные и развитые затем в «Похождениях бравого солдата Швейка». Любопытно, что, по некоторым слухам, началу непосредственной работы над романом также предшествовала встреча Гашека со Швейком, состоявшаяся в начале 1921 г. в Праге.

Ремесленник с улицы Боиште не только дал имя герою Гашека, но и подсказал какие-то существенные его черты. Знакомство с биографией Швейка показывает, что он тоже был парень не промах и уже начал свою армейскую одиссею с плутовства. Будучи призван в 1911 г. на действительную службу, он с необыкновенным проворством сумел через два месяца освободиться от нее и вернуться домой. Правда, Ярослав Веселый, поведавший об этой истории и даже опубликовавший фотографию 1911 г., на которой Швейк снят в форме новобранца, не сообщил, каким образом Швейку удалось добиться своей цели. Создается даже впечатление, что автор статьи что-то недоговаривает. Однако сейчас есть возможность приоткрыть завесу над тайной. Дело в том, что при сопоставлении фактов обнаруживается неувязка с годом рождения Швейка. По воинским документам дата его рождения — 22 ноября 1892 г. Следовательно, в 1911 г. ему было девятнадцать лет. Между тем призывным возрастом в Австро-Венгерской империи считался тогда двадцать один год. Остается одно из двух — либо в 1911 г. Швейк не призывался (что исключено), либо он родился в 1890 г., а будучи призван, сумел каким-то способом занижить свой возраст и был отпущен (но с тех пор в его воинских документах проходил уже новый год рождения). Не этим ли объясняется и описка (намеренная?) в статье Веселого, где в одном месте сказано, что Швейк умер (в 1965 г) в возрасте семидесяти трех лет, а в другом — семидесяти пяти? Похоже, что Веселый был посвящен в какую-то тайну, но не хотел ее выдать и лишь намекнул на нее противоречивыми сведениями и упоминаниями в своей статье. Кстати говоря, Кнесл, видимо, смотревший метрические книги, также называет датой рождения Швейка 1890 г.

Аналогичной мистификацией Швейк и завершил свою воинскую карьеру. Чехословацкие legionеры, некогда горевшие энтузиазмом, к концу войны были охвачены уже единственным стремлением — скорее возвратиться на родину, где осенью 1918 г. уже было провозглашено независимое чехословацкое государство. Не составлял исключения и Швейк. В его архивном деле хранится заключение медицинской комиссии, которая заседала в Иркутске в июле 1919 г. и освободила его от службы по состоянию здоровья, определив к эвакуации в Европу. В графе «год рождения» в этом документе, скрепленном четырьмя подписями и печатью, проставлен 1887 г. [2, с. 87]. По сравнению с другими документами возраст завышен на целых пять лет (по отношению к истинному возрасту на три года). Стремясь вырваться домой, а для этого пытаюсь усилить доводы в пользу своей демобилизации, Швейк, судя по всему, рискнул однажды уже опробованный и оправдавшей себя способ. Но если в 1911 г. он занижал свой возраст, то теперь с той же целью завысил его. Сведения на заседании комиссии записывались скорее всего не по документам, а со слов самого Швейка, а он, видимо, не упустил возможности воспользоваться оплошностью военного

чиновника, заполнявшего бланк, а может быть, и его сочувственным отношением.

Следы пуговицы с годом рождения Швейка хранит и еще один документ в его деле — небольшого формата листочек, на котором кто-то из должностных лиц записал несколько его анкетных данных. Листочек, видимо, предназначался для передачи кому-то, так как под бегло набросанными сведениями имеется подпись (хотя и без печати). В этом листочке год рождения вообще читается как 1882-й (с чрезвычайно большой натяжкой можно предположить 1889 г. с неудачно написанной девяткой).

Веселый пересказал и собственные воспоминания Швейка о его поведении в австрийской армии во время Первой мировой войны: «Когда в 1914 г. меня призвали на службу в австрийскую армию, я сразу же оказался в числе саботажников и сачков и стал играть роль умного дурака по принципу «глупостью против военных глупостей». На фронте я прослыл титулованным идиотом». В выражениях Швейка явно сказывается влияние романа. Но в то же время он не покушался на лавры героя Гашека и добавлял: «Разумеется, я не умел так гладко проскочить через все трудные ситуации и конфликты, как герой в романе Гашека. У меня не было такого запаса притворства и хитрости, хотя и я всегда любил шутку и никогда не посрамил развлечения и забавы» [7, s. 22].

Образ Швейка, конечно, не зарисовка с натуры, пусть даже заостренная и «утрированная». Важен был прежде всего импульс. Дальше уже простиралась необозримая и бурная работа гениального воображения Гашека. Образ Швейка — плод всего его писательского опыта и гораздо более широкого круга наблюдений и впечатлений, чем только знакомство со Швейком.

Судя по доступным фактам, Швейк-прототип помимо сходства с героем Гашека во многом и отличался от него. Гашековский Швейк, например, неизменно ассоциируется у нас с кружкой пива. В этой связи почитатели образа Швейка, возможно, будут разочарованы, но реальный Швейк не питал особого пристрастия к хмельным напиткам. Он отличался и менее «шумным» поведением, чем Швейк в романе. Со временем он вообще сделался если не преуспевающим, то по крайней мере благополучным ремесленником и, кажется, завел даже обувную лавочку или мастерскую на Липовой улице в Праге. (Веселый вообще отмечает, что, владея несколькими специальностями, он никогда «не жил в нужде».) После появления цикла рассказов, а тем более романа с героем, носившим его имя, он предпочитал не привлекать к себе излишнего внимания и не афишировать своей причастности к творческой истории этого персонажа. По-прежнему продолжались его дружеские отношения с Гашеком, которого он ценил и любил, но оба они не раскрывали тайны прототипа. Если Швейку доводилось оказаться в обществе Гашека при посторонних, он обычно выдавал себя за его родственника и не называл своего настоящего имени. Позднее он также не давал повода отождествлять себя с героем Гашека.

Как мы видели, Гашек, огрубленно говоря, одни черты прототипа взял, развил и обогатил, другие оставил без внимания, наконец, очень многое домыслил, дополнил, дорисовал. Некоторые весьма существенные особенности своего героя он вообще позаимствовал у других людей. Так,

очень большую роль в структуре образа Швейка играет его безудержная словоохотливость, его бесконечные разглагольствования и рассказы «к слову» (их в романе более полутора сот). Известный чешский исследователь Гашека Милан Янкович считает даже, что в романе «творческая активность Швейка-проявляется гораздо полнее в его речи, чем в действиях. Внешняя гротескная маска в «Похождениях бравого солдата Швейка» настолько обогащена активностью речи, что она выглядит уже только как фон для этого средства» [3, s. 180]. Монологи и обильные реплики Швейка действительно важнейший пласт романа, и восходит этот компонент образа не к Швейку с улицы Боиште, а к упомянутому уже денщику поручика Лукаша Страшлипке. Именно он свалился у однополчан привычкой по каждому поводу рассказывать всевозможные истории, которые начинал обычно словами «Знал я одного...». Можно было бы говорить и об иных тематических аспектах образа Швейка, которые навеяны впечатлениями от других лиц. Все это, однако, ни в коей мере не умаляет той роли, которую сыграло в возникновении этого образа знакомство писателя со Швейком.

Конечно, мы пока что знаем о прототипе главного героя комической эпопеи Гашека не так много, по крайней мере меньше, чем хотелось бы. Можно, однако, надеяться, что дальнейшие разыскания чешских исследователей пополнят существующую информацию. Правда, с момента появления статьи Веселого прошло уже почти четыре десятилетия. За эти годы, несомненно, ушли из жизни многие современники Швейка, знавшие его лично, хотя, наверное, и сейчас остались его родственники и знакомые, принадлежащие к более молодому поколению, и они также могут что-то знать, помнить, подсказать какие-то возможные источники сведений и т. д. Не исключены и новые находки письменных свидетельств и документов, в том числе за пределами Военного исторического архива (существуют, видимо, записи актов гражданского состояния, регистрации имущественных отношений и т.п.). Более тщательного изучения и издания заслуживает и легионерское дело Швейка. Так или иначе, весьма заманчиво было бы получить более полное представление о жизни Швейка, в том числе после его возвращения из России. Чем он конкретно занимался в разные годы? Каков был повседневный образ его жизни? Любопытно, между прочим, сохранил ли он, возвратившись в Прагу, православное вероисповедание, которое принял в России. И исследователям, и почитателям Гашека, разумеется, интересно было бы узнать, как прошли для Швейка годы немецко-фашистской оккупации (к моменту ввода гитлеровских войск в Чехию и провозглашения протектората ему не исполнилось еще и пятидесяти лет). Как сложилась его судьба в послевоенное двадцатилетие, при коммунистическом режиме? Что стало с его лавочкой или мастерской? Веселый пишет о жизни Швейка в это время в самых общих чертах, сообщая лишь, что окружающие относились к нему с уважением и симпатией и что «последние десять лет он счастливо прожил в кругу своей семьи». Из конкретных фактов, относящихся к последнему периоду, он сообщает практически только один — упоминает, что в 1955 г. во время известной спартакиады, проходившей в Праге, Швейк был приглашен на церемонию открытия обновленного трактора «У чаши», который был превращен тогда в

мемориальный туристический объект, что было тесно связано с именем Гашека и образом его героя. Несомненно, и Швейка пригласили именно в этой связи. Кто-то из устроителей торжества явно знал, что он имеет отношение к Гашеку и истории его романа. Но и в этом случае Швейк постарался остаться в тени — «пришел, похвалил, пожелал успеха и, извинившись, откланялся».

В заключение несколько слов о замысле ненаписанных частей романа. Гашек собирался написать еще довольно много. Дальнейшие похождения Швейка должны были происходить в России. Общий замысел романа отражен в рекламных плакатах, которые автор и его друзья распространяли весной 1921 г. одновременно с выходом первых глав романа — он печатался тогда по частям, небольшими тетрадами-выпусками, по мере продвижения работы. Заглавие романа на плакатах звучало следующим образом: «Похождения храброго солдата Швейка во время мировой и гражданской войны у нас и в России» [2, с. 113-114]. В незавершенных частях романа Швейку предстояли тысячи километров пути на восток, которые пределал и его прототип.

1. *Гашек Я.* Соб. соч. — Т. VI. — М., 1983.
2. *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. — М., 1997. — 176 с.
3. *Jankovič M.* Hra s vyprávěním // *Struktura a smysl literárního díla.* — Praha. 1966.
4. *Jungmann M.* Mezi ruskými bohemisty // *Literární noviny.* — 26.11.1998.
5. *Osobní věstník Ministerstva národní obrany.* — Praha, 1947. — Č. 54.
6. *Pamětní spis,* vydaný na oslavu Odboje bývalého pěšího pluku 36. Mladá Boleslav. — 1924.
7. *Veselý J. R.* Haškův přítel Josef Švejk // *Květy.* — 7.09.1968. — Č. 55. — S. 22-28.
8. VNA — *Vojenský historický archiv.* (Praha). Kartotéka legionářů. Josef Švejk.

Summary

In the article based on archival materials, there is presented a biography of Prager craftsman Josef Shweik (1890-1965) who was the prototype of a hero in Hashek's novel "The good soldier Schweik". There is exposed a history of meeting with Shweik in Prague and Russia where they had been in prison during World War I, and later among voluntary Czechoslovakian departments. At one time they'd even been in the same regiment. There are touched questions of genesis and creative history of Hashek's novel.

Стаття надійшла до редколегії 19.12.2005